Научная статья
УДК 332.02
EDN LUYYXC
DOI 10.17150/2587-7445.2026.10(2).141-152

О результатах программы «Сделано в Китае 2025»

Е.Н. Никитин
Институт Китая и современной Азии Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация

А.М. Куликов
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация

Дата поступления: 17.12.2025
Дата принятия к печати: 26.06.2026
Дата онлайн-размещения: 30.06.2026

Аннотация. В статье анализируются разработка, реализация и результаты китайской инициативы «Сделано в Китае 2025» («中国制造2025»), в широком контексте глобальной промышленной политики и технологической конкуренции. Основываясь на официальных программных документах и статистических показателях, в исследовании оценивается степень, в которой КНР выполнила цели Программы по состоянию на 2025 г. Особое внимание уделяется развитию инновационного потенциала, цифровой интеграции и экологическому развитию, снижению зависимости от импорта в ключевых секторах, таких как транспорт и сельхозтехника. Анализ показывает, что, несмотря на сохраняющиеся проблемы с полупроводниками и другими высококачественными компонентами, КНР в значительной степени достиг целей первого этапа программы «Сделано в Китае 2025», укрепив свои позиции в качестве промышленной державы. Сделан вывод о пользе изучения китайской Программы для российской стратегии импортозамещения с целью укрепления технологического суверенитета и модернизации промышленности в условиях усиления глобальной конкуренции.

Ключевые слова. Китай, «Сделано в Китае 2025», промышленная политика, экономическая политика, технологические инновации, импортозамещение, модернизация производства, цифровая интеграция, экологичное развитие.

科学文章

《中国制造2025》规划实施成效

E.N. Nikitin
俄罗斯科学院中国与现代亚洲研究所，
莫斯科，俄罗斯联邦

A.M. Kulikov
俄罗斯联邦政府财政金融大学，
莫斯科，俄罗斯联邦

结稿日期：2025年12月17日
出版日期：2026年06月26日
网上出版日期：2026年06月30日

摘要：本文在全球产业政策与技术竞争的广阔背景下，分析中国《中国制造2025》倡议的制定、实施与成果。基于官方规划文件和统计指标，本研究评估截至2025年中国完成该规划目标的程度。文章特别关注创新能力、数字化融合与绿色发展，以及在交通运输和农业机械等关键部门降低进口依赖的问题。分析表明，尽管半导体和其他高端零部件方面仍存在问题，中国已在很大程度上实现《中国制造2025》第一阶段目标，巩固了其作为工业强国的地位。文章得出结论：研究中国这一规划有助于俄罗斯制定进口替代战略，以在全球竞争加剧背景下增强技术主权并推动产业现代化。

关键词：中国，《中国制造2025》，产业政策，经济政策，技术创新，进口替代，生产现代化，数字化融合，绿色发展.

© Никитин Е.Н., Куликов А.М., 2026

Original article

On the Outcomes of the "Made in China 2025" Initiative

E.N. Nikitin

Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences,

Moscow, Russian Federation

A.M. Kulikov

Financial University under the Government of the Russian Federation,

Moscow, Russian Federation

Received: 2025 December 17
Accepted: 2026 June 26
Available online: 2026 June 30

Abstract. This article examines the design, implementation, and outcomes of China's "*Made in China 2025*" initiative, situating it within the broader context of global industrial policy and technological competition. Drawing on the analyses of the official policy documents and statistical indicators, the study evaluates the degree to which China has fulfilled the Program's objectives as of 2025. Particular attention is paid to progress in innovation capacity, digital integration, and green development, alongside reductions in import dependency in key sectors such as transportation and agricultural machinery. The analysis reveals that, despite persistent challenges in semiconductors and other high-end components, China has largely achieved the first-stage goals of "*Made in China 2025*", thereby consolidating its position as a manufacturing power. The article also considers the implications of these findings for Russia's strategy of import substitution for fostering technological sovereignty and industrial upgrading in the context of intensifying global competition.

Keywords. China, "Made in China 2025", industrial policy, economic policy, technological innovation, import substitution, manufacturing modernization, digital integration, green development.

Трансформация глобальной промышленности в XXI в. в значительной степени обусловлена стратегической политикой стран с рыночной экономикой. Ярким воплощением подобной политики является инициатива КНР «Сделано в Китае 2025» — знаковая программа модернизации промышленности, направленная на снижение технологической зависимости от иностранных поставщиков и позиционирование страны как мирового лидера в производстве продукции с высокой добавленной стоимостью[1].

Ниже будет предпринята попытка оценить не только экономические и технологические достижения программы, но и рассмотреть ее более широкие последствия для промышленной политики КНР и глобальной конкуренции.

Исследование опирается на ряд методов: сравнительный институциональный анализ (отслеживание эволюции промышленной политики через призму анализа национальных нормативно-правовых документов), экономическое измерение (определение количественных значений достигнутых показателей), метод кейс-стади (изучение отдельных отраслевых случаев). В основе исследования лежит богатый эмпирический материал — официальные документы и отчеты; труды международных исследовательских институтов; научные работы, представленные авторами из Китая, России и стран Запада.

Начиная с возникновения рассматриваемой программы и по текущий момент, мировое научное сообщество активно изучает данную инициативу. Так, ранние исследования [1; 2] были сосредоточены главным образом на концептуальных основах программы, сравнивая ее с аналогичными промышленными стратегиями западных стран и описывая ее потенциальные последствия для глобальных цепочек поставок. Последующие работы позволили изучить конкретные аспекты этой политики [3; 4]: ее взаимосвязь с глобализацией, растущее значение нематериальных активов, стратегии китайских компаний по интернационализации и восприятие государственно-капиталистической модели Китая в контексте рассматриваемой инициативы. Значительная часть литературы, особенно от западных политических исследовательских институтов, сосредоточена на геополитических последствиях этой программы для США и стран ЕС. Проблематикой китайской программы занимались и отечественные исследователи. Так, были тщательно проанализированы цели инициативы и возможные экономические последствия для

[1] 国务院关于印发《中国制造2025》的通知 [«Уведомление Госсовета об утверждении программы «Сделано в Китае 2025»] // 中华人民共和国中央人民政府 [Центральное народное правительство КНР]. URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2015-05/19/content_9784.htm (дата обращения: 09.09.2025). На кит. яз.

западных компаний [5]. Отдельно уделялось внимание ключевым отраслям промышленности, глобальным экономическим и геополитическим последствиям [6], развитию высокотехнологичного производства [7] и китайского военно-промышленного комплекса [8].

Настоящее исследование вносит вклад в рассмотрение проблематики китайской промышленной инициативы прежде всего путем систематизации и углубленного анализа достигнутых на 2025 г. количественных показателей Программы.

Вдохновившись обсуждаемым в Германии в 2011 г. планом «Индустрия 4.0», в КНР в 2015 г. было объявлено о собственной инициативе «Сделано в Китае 2025» (“Made in China 2025”, MIC 2025), цель которой была заявлена как модернизация промышленного потенциала и превращение страны в мирового лидера в сфере высокотехнологичного производства [1, с. 67–68]. Программа, представленная 19 мая 2015 г. премьером Госсовета Ли Кэцяном (李克强1955–2023), предполагала трехэтапную стратегию (三步走战略 *сань-бу-цзоучжань-люэ*), направленную на достижение лидирующих позиций в области промышленного производства. Планировалось:

1. К 2025 г. сделать Китай сильной промышленной державой;

2. К 2035 г. стать конкурентноспособными по сравнению с развитыми промышленными странами, полностью завершить процесс индустриализации;

3. К 2049 г. (100-летие образования КНР) стать сверхдержавой в сфере технологий и промышленности.

Согласно документу, стратегия строится на следующих подходах.

– ориентация на инновации;

– качество превыше всего;

– «зеленое» развитие;

– структурная оптимизация (акцент на передовые (высокотехнологичные) отрасли производства);

– ориентация на таланты [9, с. 4].

Фактически, MIC 2025 — это десятилетний план, определяющий развитие производственного сектора КНР. В рамках Программы особое внимание уделяется «десяти ключевымнаправлениям» (十大重点领域 *ши-да чжун-дяньлинъюй*), куда входят: IT-индустрия нового поколения, высокотехнологичное оборудование с ЧПУ и робототехника, аэрокосмические технологии, современный морской транспорт и оборудование, современное железнодорожное оборудование и железнодорожный транспорт, энергосбережение и электротранспорт, электрооборудование, сельхозтехника и оборудование, новые материалы, биотехнологии и медицинское оборудование [10, с. 4].

В отличие от немецкой инициативы, целью которой является переход к четвертому этапу индустриализации, китайская программа преследует структурную трансформацию производства, основанную как на количественных, так и на качественных показателях [11, с. 332].

Хотя это и не указано напрямую, Программа тесно связана с развитием китайского ВПК. Начиная с 2015 г., состоялся постепенный переход к смешанной форме участия военных предприятий. Военным разрешили использовать капитал гражданских компаний при разработке военной продукции, «разрешен допуск военных технологий в гражданский сектор» [8, с. 106–107].

Промышленная политика КНР начала формироваться задолго до выдвижения названной инициативы [5, с. 20]. Еще в 2006 г. Госсовет КНР опубликовал «Основные положения средне- и долгосрочного плана развития науки и техники (2006–2020)» («国家中长期科学和技术发展规划纲要 (2006–2020 年)»), в которых была поставлена цель превратить КНР в «инновационно-ориентированное общество» к 2020 г. и мирового технологического лидера к середине XXI в.[2] Эта долгосрочная дорожная карта заложила как теоретические, так и институциональные основы для последующих инициатив по модернизации промышленности, в частности, определив технологическую независимость как основу национальной безопасности и экономического развития КНР.

Следующим шагом в построении устойчивой промышленной политики является принятое в 2010 г. «Решение Госсовета об ускорении развития стратегических новых отраслей промышленности» («国务院关于加快培育和发展战略性新兴产业的决定»)[3]. Помимо определения приоритетных отраслей, отличительным нововведением является внедрение таких инструментов целевой

[2] 《国家中长期科学和技术发展规划纲要（2006–2020年）》[«Средне- и долгосрочный план развития науки и техники (2006-2020)»] // 中华人民共和国中央人民政府 [Центральное народное правительство КНР]. URL: https://www.gov.cn/jrzg/2006-02/09/content_183787.htm (дата обращения: 09.09.2025). На кит. яз.

[3] State Council’s Decision on Accelerating the Cultivation and Development of Strategic Emerging Industry // China Energy Portal. URL: https://chinaenergyportal.org/wp-content/uploads/2017/01/Development-Strategic-Emerging-Industries.pdf (accessed: 09.09.2025).

политики, как льготное финансирование, налоговые льготы и прямые субсидии, что позволило институционализировать государственную поддержку технологически интенсивных секторов[4].

К важному преимуществу китайской промышленной политики относится широкомасштабная государственная финансовая поддержка (преимущественно через крупные государственные фонды и субсидии), возможность директивно направлять финансовые потоки в приоритетные сферы [3, с. 362]. В мае 2015 г. был учрежден «Государственный инвестиционный фонд содействия развитию обрабатывающей промышленности» (国投先进制造产业投资基金*го-тоусянь-цзиньчжи-цзаочань-е тоу-цзыцзи-цзинь*). Центральное правительство напрямую перечислило в фонд 6 млрд юаней, а государственная корпорация —инвестиционная компания «Государственное управление по делам развития и инвестиций» (国家开发投资集团有限公司 *го-цзякай-фа тоу-цзыцзи-туань ю-сяньгун-сы*) и Промышленно-торговый банк Китая (ICBC, 中国工商银行) внесли 4 млрд и 5 млрд юаней соответственно [2, с. 23]. В целом, для поддержки НИОКР в сфере промышленных инноваций было создано около 800 государственных фондов с общим бюджетом в 2,2 трлн юаней к 2017 г. с уделением особого внимания отраслям, связанным с программой MIC 2025 [12, с. 14]. К 2022 г. объем выделенных средств на информационные технологии и биомедицину достиг почти 200 млрд долл. США [6, с. 214].

Финансовая политика предполагала оказание банками адресной поддержки отраслям, входящим в программу «Сделано в Китае 2025», включая выдачу кредитов на инновационные проекты, налоговые льготы и страхование кредитов на проведение экспортных операций. Эти меры направлены на снижение финансовых барьеров для китайских компаний и повышение их технологической конкурентоспособности на мировом рынке — прежде всего с компаниями из США [4, с. 436].

Кроме прямой адресной поддержки другими финансовыми средствами являются предоставление субсидий и налоговые льготы компаниям, входящим в Программу. В период с 2015 по 2023 гг. средний размер государственных субсидий для зарегистрированных на бирже компаний вырос на 80 %. В период с 2018 по 2022 гг. размер налоговых льгот, направленных на стимулирование инновационных проектов, увеличился в среднем на 28,8 % в год. Доля компаний, получающих дополнительные вычеты и налоговые льготы, выросла более чем в четыре раза в период с 2015 по 2023 гг. [12, с. 4]. Отметим, что большая часть названных мер была введена в течение последнего десятилетия.

Реакция западных стран на программу «Сделано в Китае 2025» была отмечена озабоченностью амбициями Пекина в технологическом лидерстве и потенциальным уменьшением конкурентных преимуществ стран с традиционно высоким уровнем высокотехнологичного производства [13, с. 2].

Так, США и ЕС пытаются не допустить развития этой инициативы, ограничивая доступ КНР на внешний рынок. ФРГ, в частности, выразила тревогу, учитывая ее зависимость от экспорта точного машиностроения и автомобильных технологий, где наиболее заметно влияние рассматриваемой Программы. ЕС отреагировал на это, начав расследование в отношении китайских субсидий на электромобили и солнечные панели, а в 2024 г. ввел временные тарифы на импорт электромобилей из КНР в размере до 37,6 %[5].

США придерживаются жесткого конфронтационного подхода к программе «Сделано в Китае 2025», стремясь противодействовать быстрой модернизации промышленности КНР: в 2018 г. администрация президента Д. Трампа ввела первые тарифы на китайский импорт на сумму 50 млрд долл. США, ограничения на приток китайских инвестиций, что способствовало развертыванию торговой войны между США и КНР [14, с. 38]. Последующие меры были значительно расширены: с 2024 г. США сохраняют высокие тарифы на китайские товары стоимостью около 250 млрд долл. США, нацеленные на ключевые секторы, такие как полупроводники, компоненты для электромобилей и современное оборудование[6]. Подобные меры отражают видение Китая как серьезной угрозы американскому технологическому лидерству и национальной безопасности, как это закреплено в «Стратегии национальной безо-

[4] State Council's Decision on Accelerating the Cultivation and Development of Strategic Emerging Industry // China Energy Portal. URL: https://chinaenergyportal.org/wp-content/uploads/2017/01/Development-Strategic-Emerging-Industries.pdf (accessed: 09.09.2025).

[5] 《国务院关于加快培育和发展战略性新兴产业的决定》[«Решение Госсовета об ускорении развития стратегических новых отраслей промышленности»] // 中华人民共和国中央人民政府 [Центральное народное правительство КНР]. URL: https://www.gov.cn/zwgk/2010-10/18/content_1724848.htm (дата обращения: 09.09.2025). На кит. яз.

[6] Breakdown of U.S. Tariffs on China since Trump's First Term // Reuters. URL: https://www.reuters.com/world/china/breakdown-us-tariffs-china-since-trumps-first-term-2025-06-12 (accessed: 09.09.2025). ISDP. Made in China 2025: Backgrounder // Institute for Security & Development Policy (ISDP), 2018. P. 1–9.

пасности США» на 2022 г.[7] В целом, реакция США и ЕС свидетельствует, что промышленная политика КНР больше не рассматривается просто как стратегия внутреннего развития, а как системная угроза технологическому и экономическому лидерству стран с развитой экономикой высоких технологий.

Не менее важным аспектом является и оценка того, насколько Китай достиг собственных целей. Так, Китай добился значительных успехов в производстве электроэнергии и теперь почти полностью обеспечивает себя данным видом энергии, хотя за последнее десятилетие было сделано лишь несколько улучшений, поскольку к 2015 г. страна уже достигла базовой энергетической независимости.

К 2024 г. в сфере робототехники китайские компании впервые обогнали иностранные по объёму продаж, а их доля на рынке выросла почти на 20 процентных пунктов всего за два года[8]. Отмечается, что 33 % иностранных компаний, производящих высокотехнологичное оборудование (включая робототехнику), столкнулись с китайскими конкурентами, способными производить аналогичную или более качественную продукцию по сопоставимым или более низким ценам[9].

[7] EU Imposes Provisional Duties on Chinese Electric Vehicle Imports // Green Forum. URL: https://www.green-forum.eu/mobility/20240705/eu-imposes-provisional-duties-on-chinese-electric-vehicle-imports-1231 (accessed: 09.09.2025).

[8] Breakdown of U.S. Tariffs on China since Trump's First Term // Reuters. URL: https://www.reuters.com/world/china/breakdown-us-tariffs-china-since-trumps-first-term-2025-06-12 (accessed: 09.09.2025). ISDP. Made in China 2025: Backgrounder // Institute for Security & Development Policy (ISDP), 2018. P. 1–9.

[9] European Chamber. Made in China 2025: The Cost of Technological Leadership — 中国制造2025：实现技术领先的代价 // European Union Chamberof Commercein China (European Chamber), 2025. P. 1–51.

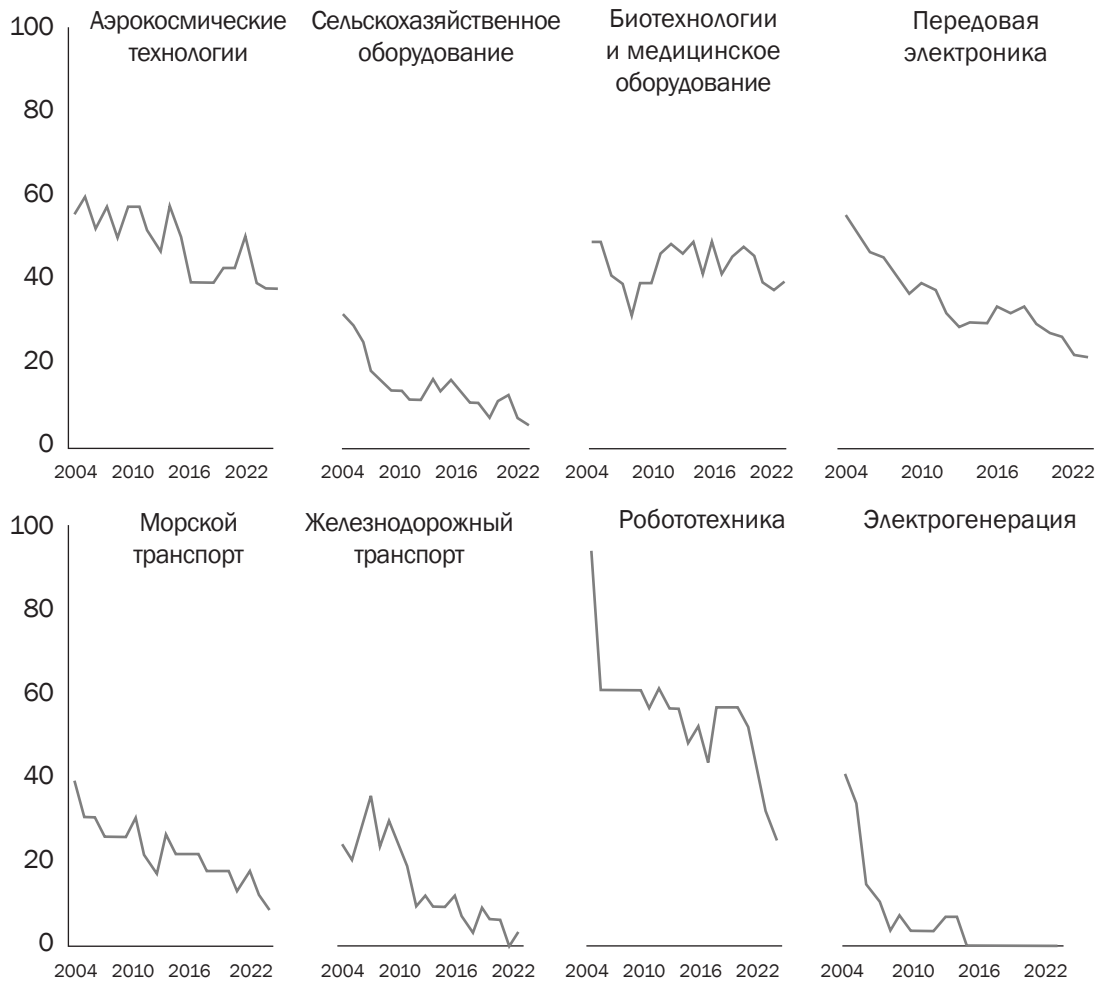

Рис. 1. Снижение зависимости от импорта в секторах, связанных с программой MIC 2025. Доля товарных позиций (HS-6) в ключевых секторах, по которым импорт Китая в два раза превышает экспорт, %

Источник: [12, с. 37].

В области высокотехнологичного производства Китай занимает лидирующие позиции. В сфере ИКТ страна удерживает первое место в мире, а по объему производства оборудования, требующего использования высоких технологий — 2 место. Государство последовательно увеличивало расходы на НИОКР, достигнув в 2024 г. показателя в 2,68 % ВВП [7, с. 24].

Китай стал крупнейшим в мире производителем судов, несмотря на сохраняющуюся зависимость от иностранных технологий в производстве некоторых критически важных компонентов (судовые двигатели и высокотехнологичное программное обеспечение для проектирования судов). Доля КНР в строительстве танкеров для перевозки СПГ выросла с 7 % в 2017 г. до более чем 30 % в 2024 г., позволяя стране стать конкурентоспособной альтернативой Республике Корея[10].

В сегменте высокоскоростных железных дорог (ВСЖД) с высокой добавленной стоимостью КНР достиг того же технологического уровня, что и европейские конкуренты, или даже превзошёл их. Система ВСЖД в Китае технологически сравнительно независима, являясь при этом самой развитой транспортной системой. Такие компании, как China Railway Rolling Stock Corporation (CRRC Group 中国中车集团), на чью долю в 2022 г. приходилось 56 % мирового рынка, часто выигрывают тендеры на развивающихся рынках Африки, Азии и Южной Америки благодаря более низкой стоимости и китайскому государственному финансированию [15, с. 5].

Китай установил очень высокие целевые показатели локализации производства для сектора сельхозтехники (цель — 95 % к 2025 г.). Процесс локализации сельскохозяйственного оборудования был ускорен во многом из-за тарифной войны между КНР и США, в связи с чем китайские фермеры были вынуждены покупать отечественную технику. На момент середины 2025 г. китайские производители обеспечивают 75 % потребностей в сельскохозяйственном оборудовании, что, тем не менее, все еще далеко от целевых показателей, заложенных в Программе[11].

Ситуация с импортозамещением электроники (как передовой, так и устаревшей) в Китае неоднозначна. Основные усилия КНР по достижению технологической независимости сосредоточены в сегменте передовой электроники. Так, китайская SMIC (Semiconductor Manufacturing International Corporation 中芯国际集成电路制造有限公司) находится в авангарде по производству передовых логических микросхем: ей удалось наладить производство 7-нм микросхем с использованием методов глубокой (DUV) ультрафиолетовой литографии. Тем не менее, компания по-прежнему отстаёт в производстве передовых узлов, необходимых для высокопроизводительных процессоров, поэтому зависит от импорта компонентов [16, с. 4]. В сегменте устаревающей электроники наращивание КНР мощностей по производству микросхем прошлых поколений (производство чипов по 20–40-нм техпроцессу) способно значительно сократить долю рынка для иностранных компаний. Прогнозируется, что к 2030 г. доля отечественных (т.е. китайских) компаний на рынке КНР, скорее всего, увеличится до 25–50 %, а то и до 50–75 %[12].

Рассматривая биомедицину и импортозамещение соответствующих технологий, отметим, что до недавнего времени прогресс в этой сфере оставался скромным. Несмотря на значительные успехи китайских компаний в создании биоаналогов, в период с 2017 по 2022 гг. только два китайских инновационных биотехнологических лекарственных препарата были одобрены для коммерциализации в США и восемь в самом КНР[13],[14]. На китайском рынке препаратов с моноклональными антителами по-прежнему доминируют импортные компоненты, доля которых в 2023 г. составляла около 80 %[15].

Коммерческие самолёты — одна из ключевых областей, в которой КНР по-прежнему имеет существенные недостатки и значительно отстаёт от своих целей в рамках программы MIC 2025 (Аэрокосмические технологии). Ожидалось, что к 2025 г. на долю отечественных компаний бу-

[10] The White House. Biden-Harris Administration's National Security Strategy // Washington, D.C.: The White House, 2022. P. 1–48.

[11] Chinese Robots Hit the Factory Floor // The Wire China URL: https://www.thewirechina.com/2024/12/15/chinese-robots-hit-the-factory-floor-industrial/ (accessed: 09.09.2025).

[12] European Chamber. Made in China 2025: The Cost of Technological Leadership — 中国制造2025：实现技术领先的代价 // European Union Chamberof Commercein China (European Chamber), 2025. P. 1–51.

[13] ORCA. TURNING THE TIDE: How Made in China 2025 is Transforming China's Shipbuilding Industry // Organisation for Research China and Asia (ORCA) URL: https://www.orcasia.org/article/938/turning-the-tide (accessed: 09.09.2025).

[14] China Agricultural Machinery Market: Tariff War Boost Demand // GMA. URL: https://marketingtochina.com/china-agricultural-machinery-market/ (accessed: 09.09.2025).

[15] Thin Ice: US Pathways to Regulating China-Sourced Legacy Chips // Rhodium Group. URL: https://rhg.com/research/thin-ice-us-pathways-to-regulating-china-sourced-legacy-chips/ (accessed: 09.09.2025).

дет приходиться 30 % внутреннего рынка оборудования и комплектующих для магистральных и региональных самолётов, а также 50 % рынка самолётов авиации общего назначения. В действительности же первый коммерческий рейс узкофюзеляжного самолета C919 от Коммерческой авиастроительной корпорации Китая (COMAC 中国商用飞机有限责任公司) состоялся только в 2023 г.[16] К 2022 г. 60 % компонентов C919 производилось внутри Китая, при этом самый высокий уровень локализации был достигнут в конструкции планера[17]. В долгосрочной перспективе у COMAC есть все шансы стать ведущим поставщиком самолётов в КНР.

[16] 生物创新药企加快“出海”布局 [Биоинновационные фармацевтические компании ускоряют процесс выхода на внешние рынки] // 法治网 [Legal Daily]. URL: http://www.legaldaily.com.cn/Drug_supervision/content/content_8730260.html (дата обращения: 09.09.2025). Накит. яз.

[17] Trends in Innovative Drug Development in China // 源起基金 [Origin Fund]. URL: http://www.yuanqijijin.com/a/zhongchoudongtai/chanyexinwen/206.html (accessed: 09.09.2025).

Теперь обратимся к официально определенным показателям эффективности программы «Сделано в Китае 2025». Эти критерии, сформулированные Госсоветом в начале реализации инициативы, обеспечивают структурированную основу для оценки прогресса КНР по таким важным направлениям, как технологические инновации, промышленная эффективность, цифровая интеграция и экологически чистое развитие. В таблице представлен сводный обзор ключевых целей на 2025 г., самые последние имеющиеся данные, позволяющие провести прямое сравнение между прогнозируемыми целями и их фактическим выполнением.

Полученные данные свидетельствуют как о заметном прогрессе, достигнутом КНР в рамках реализации Программы, так и об уязвимых местах, где не удалось продемонстрировать положительные результаты. Что касается инновационного потенциала, то страна значительно увеличила интенсивность НИОКР, перевыполнив изначальный план на два года. Отсутствие каких-либо данных о патентной активности предприятий обрабатывающей

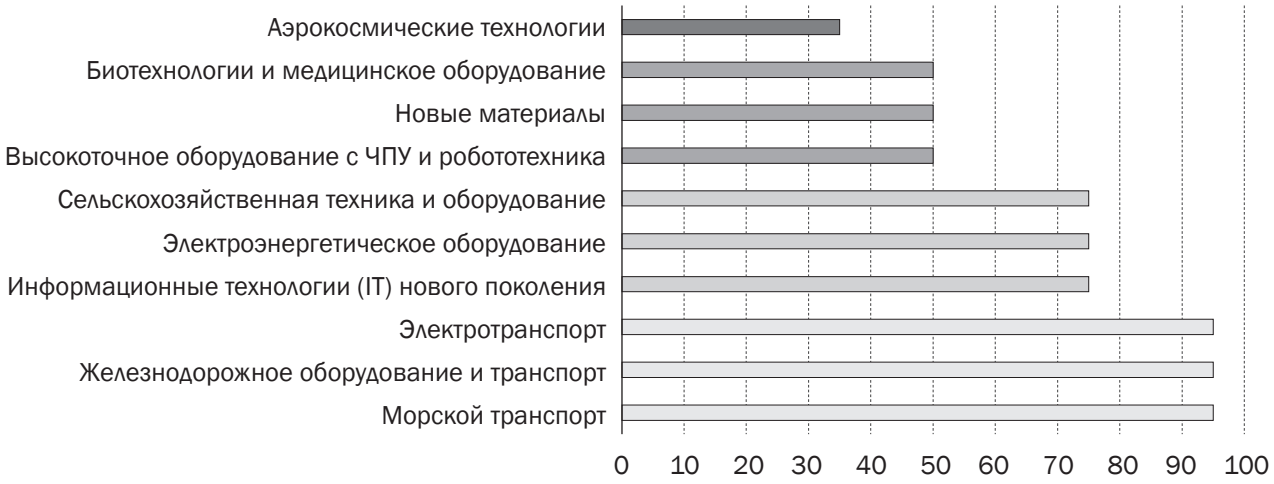

Рис. 2. Уровень общей технологической независимости по десяти направлениям, отраженным в программе MIC 2025, на начало 2025 г., %

Составлено авторами по: Made in China 2025: The Cost of Technological Leadership — 中国制造2025：实现技术领先的代价.

Ключевые индикаторы производства на 2025 г. и их текущий статус

Категория	Индикатор	2015	2025[1*]	Последние доступные данные
Инновационный потенциал	Доля расходов на НИОКР в выручке от основной деятельности предприятий обрабатывающей промышленности (%)	0,95	1,68	1,71 (на 2023 г.)[2*]
	Количество действующих патентов на изобретения на каждые 100 млн юаней выручки от основной деятельности предприятий в обрабатывающей промышленности (шт.)	0,44	1,10	н/д

Окончание табл.

Категория	Индикатор	2015	2025[1*]	Последние доступные данные
Качество и эффективность	Индекс конкурентоспособности качества в обрабатывающей промышленности	83,5	85,5	85,6 (на конец 2024 г.)[3*]
	Рост доли добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности с 2015 г. (%)	–	4	7,7 (на конец 2024 г.)[4*]
	Темп роста производительности труда всех работников обрабатывающей промышленности с 2015 г., среднегодовой (%)	–	6,5	7,0[5*] (на конец 2024 г.)[4*]
Интеграция IT и промышленности	Уровень покрытия широкополосного Интернета (%)	50	82	100 (на 2024 г.)[6*]
	Уровень распространенности цифровых инструментов НИОКР и проектирования (%)	58	84	83,1 (на 2024 г.)[7*]
	Доля ключевых технологических процессов, в которых используются технологии числового программного управления (ЧПУ) (%)	33	64	64,9 (на 2024 г.)[7*]
«Зеленое» развитие	Снижение энергопотребления в промышленности на единицу продукции с 2015 г. (%)	–	–34	–27 (на 2022 г.)[8*]
	Снижение объёма выбросов CO2 на единицу продукции с 2015 г. (%)	–	–40	–22 (на 2020 г.), н/д[9*]
	Снижение водопотребления на единицу продукции с 2015 г. (%)	–	–41	–53 (на 2024 г.)[4*]
	Уровень переработки твёрдых промышленных отходов (%)	65	79	83,8 (на 2024 г.)[10*]

Источник: 国务院关于印发《中国制造2025》的通知 [«Уведомление Госсовета об утверждении программы «Сделано в Китае 2025»]. На кит. яз.

Примечания:

[1*] Приведено целевое (прогнозное) значение, указанное в Программе.

[2*] 第五次全国经济普查公报（第六号）——部分新兴产业发展情况 [Бюллетень Пятой национальной экономической переписи (№ 6) — Развитие некоторых новых отраслей промышленности] // 国家统计局 [Государственное статистическое управление]. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202412/t20241226_1957891.html (дата обращения: 09.09.2025). На кит. яз.

[3*] 我国制造业产品质量合格率稳中有升 [Уровень качества продукции в обрабатывающей промышленности Китая неуклонно растет] // 中华人民共和国中央人民政府 [Центральное народное правительство КНР]. URL: https://www.gov.cn/lianbo/bumen/202502/content_7006917.htm (дата обращения: 09.09.2025). На кит. яз.

[4*] 中华人民共和国2024年国民经济和社会发展统计公报 [Статистический бюллетень Китайской Народной Республики о национальном экономическом и социальном развитии в 2024 г.] // 中华人民共和国中央人民政府 [Центральное народное правительство КНР]. URL: https://www.gov.cn/lianbo/bumen/202502/content_7008605.htm (дата обращения: 09.09.2025). На кит. яз.

[5*] Хотя Государственное статистическое управление публикует данные о росте общей производительности в стране, конкретных данных о росте производительности в обрабатывающей промышленности нет. В таблице приведено значение роста общей производительности труда.

[6*] 2024年通信业统计公报解读：通信业高质量发展再上新台阶 [Интерпретация статистического бюллетеня отрасли связи за 2024 г.: Качественное развитие отрасли связи вышло на новый уровень] // 天津市通信管理局 [Управление связи г. Тяньцзинь]. URL: https://tjca.miit.gov.cn/xwdt/xydt/art/2025/art_7c884a9bfb1f4fb6a939f76ec6059d86.html (дата обращения: 09.09.2025). На кит. яз.

[7*] 加快发展工业互联网 [Ускоряя развитие промышленного Интернета] // 求是网 [QS Theory]. URL: https://www.qstheory.cn/dukan/qs/2024-12/01/c1130224011.htm (дата обращения: 09.09.2025). На кит. яз.

[8*] 我国规上工业单位增加值能耗10年累计下降超36 %——工业绿色发展成效明显 [Потребление энергии промышленными предприятиями с добавленной стоимостью в нашей стране за 10 лет сократилось более чем на 36 % — экологичное развитие промышленности принесло очевидные результаты] // 中华人民共和国中央人民政府 [Центральное народное правительство КНР]. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202306/content_6885847.htm (дата обращения: 09.09.2025). На кит. яз.

[9*] Хотя Китай достиг цели по сокращению выбросов на 22 % в 2020 г., в 2021 г. была объявлена менее амбициозная цель: сокращение выбросов на 18 % в период с 2021 по 2025 гг. Это говорит о том, что специалисты по планированию уже тогда считали, что цель по сокращению выбросов на 40 % в период с 2015 по 2025 гг. недостижима.

[10*] 中国固废处理行业发展深度分析与投资前景研究报告（2024–2031年） [Углубленный анализ развития китайской отрасли по переработке твердых бытовых отходов и отчет об исследованиях инвестиционных перспектив (2024–2031)] // 观研报告网 [Гуаньянь]. URL: https://www.chinabaogao.com/detail/733690.html (дата обращения: 09.09.2025). На кит. яз.

промышленности позволяет осторожно предположить, что прогресс в этой сфере серьезно отстает от определенных Программой показателей. Повышение качества и эффективности, отраженное в повышении индекса конкурентоспособности производства и производительности труда, указывает на существенную модернизацию, хотя темпы роста в разных подсекторах остаются неравномерными.

В то же время данные свидетельствуют о значительных успехах КНР в области цифровой интеграции: все цели, заявленные в рамках данного блока, были выполнены[18]. Практически повсеместное распространение широкополосного доступа в интернет, массовое внедрение инструментов цифрового проектирования и ускоренное внедрение технологий ЧПУ свидетельствуют о быстрой модернизации производственных процессов. Показатели в рамках блока «зеленое» развитие» имеют положительную динамику. Однако Китаю пока так и не удалось добиться значительного снижения объема выбросов CO_2 на единицу продукции: слишком завышенный показатель в -40 % пришлось пересматривать в 2021 г. Тем не менее, достижение остальных показателей свидетельствует о том, что Программа способствовала повышению устойчивости в сфере зеленой экономики.

Взятые вместе, эти тенденции показывают, что программа «Сделано в Китае 2025» успешно претворяет политические цели в измеримые результаты, подчеркивает необходимость постоянных усилий по повышению качества инноваций и повышению технологической независимости.

***

Несмотря на сохраняющиеся структурные проблемы в таких областях, как полупроводники и компоненты высокого класса, КНР в значительной степени преуспела в выполнении задач первого этапа программы «Сделано в Китае 2025». Ключевые показатели, включая инновационный потенциал, цифровую интеграцию и экологичную трансформацию, свидетельствуют о существенном прогрессе, в то время как зависимость от импорта в таких секторах, как транспорт и сельскохозяйственная техника, заметно снизилась. Хотя некоторые цели, особенно те, которые связаны с достижением передовой технологической независимости, остаются реализованными лишь частично, общая траектория подтверждает эффективность программы MIC 2025 как стратегической основы для модернизации промышленности и достижения самообеспеченности.

С позиции сравнения, эти выводы особенно актуальны для России, где в последние годы импортозамещение стало одним из главных приоритетов национальной политики. Хотя КНР и РФ существенно различаются по масштабам и институциональному потенциалу, обе страны разделяют стратегический императив снижения уязвимости к внешним потрясениям и рискам и курс на стимулирование внутреннего технологического развития. Опыт Китая показывает, что сочетание устойчивой государственной поддержки, целенаправленной промышленной политики и интеграции показателей инновационной деятельности в систему оценки эффективности может привести к ощутимым результатам в среднесрочной перспективе. Для России извлечение уроков из подхода КНР может быть полезным в контексте усовершенствования ее собственной промышленной стратегии путем приведения национальных целей обеспечения технологического суверенитета в соответствии с более широкими вызовами глобальной экономической конкуренции.

[18] Близкое значение уровня распространенности цифровых инструментов НИОКР и проектирования, достигнутое в 2024 г., позволяет предположить, что к 2025 г. данный показатель, с высокой вероятностью, достигнет целевого значения.

Список использованной литературы

1. Li L. China's Manufacturing Locus in 2025: With a Comparison of "Made-in-China 2025" and "Industry 4.0" / L. Li. — DOI 10.1016/j.techfore.2017.05.028 // Technological Forecasting & Social Change. — 2018. — Vol. 135. — P. 66–74.

2. Made in China 2025: The Making of a High-Tech Superpower and Consequences for Industrial Countries / J. Wübbeke, M. Meissner, M.J. Zenglein [et al.] // Mercator Institute for China Studies (MERICS). — 2016. — P. 1–76.

3. Marcato M.B. The Made in China 2025 amid Hyperglobalization: Upgrading, Intangible Assets, and Internationalization Strategies / M.B. Marcato. — DOI 10.1590/1982-3533.2022v31n2art05 // Economia e Sociedade. — 2022. — Vol. 31, no. 2. — P. 355–384.

4. Nawaz F. The Made in China 2025 Strategy: Perceptions and Reservations of China's State Capitalist Economic Model / F. Nawaz, K. Abu Saleem, U. Kayani. — DOI 10.22495/cbsrv5i1siart16 // Corporate & Business Strategy Review. — 2024. — Vol. 5, no. 1. — P. 432–439.

5. Перская В.В. «Сделано в Китае 2025»: китайский опыт обеспечения задач национального развития / В.В. Перская, Н.С. Ревенко. — DOI 10.31857/S032150750010100-2. — EDN WKMMEO // Азия и Африка сегодня. — 2020. — № 7. — С. 19–25.

6. Куренков В.А. Инновации и независимость: стратегические цели «Сделано в Китае 2025» / В.А. Куренков. — EDN SHZUVS // Человек. Социум. Общество. — 2024. — № 9. — С. 212–217.

7. Коледенкова Н.Н. Промышленность Китая: развитие высокотехнологичного производства / Н.Н. Коледенкова. — DOI 10.48647/ICCA.2025.95.23.004. — EDN WPBSWG // Экономика Китая: ожидание прорыва : сб. тез. — Москва, 2025 г. — С. 22–26.

8. Заморин В.А. Участие военно-промышленного комплекса Китая в реализации государственного плана «Сделано в Китае — 2025» / В.А. Заморин. — DOI 10.31857/S013128120025262-9. — EDN BAWFAN // Проблемы Дальнего Востока. — 2023. — № 2. — С. 105–121.

9. Strategic Plan of “Made in China 2025” and Its Implementation / H. Ma, X. Wu, L. Yan. — DOI 10.4018/978-1-5225-3468-6.ch001 // Analyzing the Impacts of Industry 4.0 in Modern Business Environments. — 2018. — P. 1–23.

10. Blaugher D. Made in China 2025: Evaluating China’s Performance / D. Blaugher, B. Gordon, M. Dagher- Margosian // U.S.-China Economic and Security Review Commission. — 2025. — P. 1–48.

11. Тетеринец Т.А. Промышленная политика Китая с позиции реализации государственной программы «Сделано в Китае — 2025» / Т.А. Тетеринец // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты и перспективы : сб. науч. статей. — Минск, 2025. С. 327–334.

12. Boullenois C. Was Made in China 2025 Successful? / C. Boullenois, M. Black, D.H. Rosen // Rhodium Group. — 2025. — P. 1–90.

13. Li G. Does “Made in China 2025” Work for China? Evidence from Chinese Listed Firms / G. Li, L.G. Branstetter. — DOI 10.1016/j.respol.2024.105009 // Research Policy. — 2024. — Vol. 53, no. 6. — P. 1–14.

14. Septiana A. Global Trade Tensions due to Made in China 2025: A Case Study of the US-China Conflict and its Implications for Developing Countries / A. Septiana, M. Anggraini, S. Suliha. — DOI 10.33474/PERCIPIENCE.v4i1.24409 // Percipience Journal: Social, Administration, and Entrepreneurship Journal. — 2024. — Vol. 4, no. 1. — P. 34–44.

15. Zenglein M.J. The Sky is the Limit: China’s Rise as a Transportation Superpower Challenges the EU / M.J. Zenglein, G. Sebastian // Mercator Institute for China Studies (MERICS). — 2023. — P. 1–25.

16. Li J. “Made in China 2025”: China Experience in Industry 4.0 / J. Li, S. Pogodin. — DOI 10.1088/1757-899X/497/1/012079 // IOP Conf. Ser.: Mater. Sci. Eng. — 2019. — Vol. 497. — P. 1–5.

References

1. Li L. China’s Manufacturing Locus in 2025: With a Comparison of “Made-in-China 2025” and “Industry 4.0”. *Technological Forecasting & Social Change*, 2018, vol. 135, pp. 66–74. DOI: 10.1016/j.techfore.2017.05.028.

2. Wübbeke J., Meissner M., Zenglein M.J., Ives J., Conrad B. Made in China 2025: The Making of a High-Tech Superpower and Consequences for Industrial Countries. *Mercator Institute for China Studies (MERICS)*, 2016, pp. 1–76.

3. Marcato M.B. The Made in China 2025 amid Hyperglobalization: Upgrading, Intangible Assets, and Internationalization Strategies. *Economia e Sociedade*, 2022, vol. 31, no. 2, pp. 355–384. DOI: 10.1590/1982-3533.2022v31n2art05.

4. Nawaz F., Abu Saleem K., Kayani U. The Made in China 2025 Strategy: Perceptions and Reservations of China’s State Capitalist Economic Model. *Corporate & Business Strategy Review*, 2024, vol. 5, no. 1, pp. 432–439. DOI: 10.22495/cbsrv5i1siart16.

5. Perskaya V.V., Revenko N.C. "Made in China 2025": Chinese Experience in Achieving National Development Goals. *Aziya I Afrika segodnya = Asia and Africa today*, 2020, no. 7, pp. 19–25. (In Russian). EDN: WKMMEO. DOI: 10.31857/S032150750010100-2.

6. Kurenkov V.A. Innovation and Independence: Strategic Goals of Mic 2025. *Chelovek. Sotsium. Obshchestvo = Human. The society. Society*, 2024, no. 9, pp. 212–217. (In Russian). EDN: SHZUVS.

7. Koledenkova N.N. China's Industry: the Development of High-Tech Production. *China's Economy: A Breakthrough Awaits*. *Collected Papers*. Moscow, 2025, pp. 22–26. (In Russian). EDN: WPBSWG. DOI: 10.48647/ICCA.2025.95.23.004.

8. Zamorin A.V. Participation of the Chinese Military-Industrial Complex in the Implementation of the State Plan "Made In China — 2025". *Problemy Dalnego Vostoka = The Problems of Far East*, 2023, no. 2, pp. 105–121. (In Russian). EDN: BAWFAN. DOI: 10.31857/S013128120025262-9.

9. Ma H., Wu X., Yan L., Huang H., Wu H., Xiong J., Zhang J. Strategic Plan of “Made in China 2025” and Its Implementation. *Analyzing the Impacts of Industry 4.0 in Modern Business Environments*, 2018, pp. 1–23. DOI: 10.4018/978-1-5225-3468-6.ch001.

10. Blaugher D., Gordon B., Dagher-Margosian M. Made in China 2025: Evaluating China’s Performance. *U.S.-China Economic and Security Review Commission*, 2025, pp. 1–48.

11. Teterinets T.A. China's industrial policy from the perspective of implementing the state program "Made in China — 2025". *Belarus's Economic Development Strategy: Challenges, Tools, and Prospects. Collected Papers*. Minsk, 2025, pp. 13–14. (In Russian).

12. Boullenois C., Black M., Rosen D.H. Was Made in China 2025 Successful? *Rhodium Group*, 2025, pp. 1–90.

13. Li G., Branstetter L.G. Does “Made in China 2025” Work for China? Evidence from Chinese Listed Firms. *Research Policy*, 2024, vol. 53, no. 6, pp. 1–14. DOI: 10.1016/j.respol.2024.105009.

14. Septiana A., Anggraini M., Suliha S. Global Trade Tensions due to Made in China 2025: A Case Study of the US-China Conflict and its Implications for Developing Countries. *Percipience Journal: Social, Administration, and Entrepreneurship Journal*, 2024, vol. 4, no. 1, pp. 34–44. DOI: 10.33474/PERCIPIENCE.v4i1.24409.

15. Zenglein M.J., Sebastian G. The Sky is the Limit: China’s Rise as a Transportation Superpower Challenges the EU. *Mercator Institute for China Studies (MERICS)*, 2023, pp. 1–25.

16. Li J., Pogodin S. “Made in China 2025”: China Experience in Industry 4.0. *IOP Conf. Ser.: Mater. Sci. Eng*, 2019, vol. 497, pp. 1–5. DOI: 10.1088/1757-899X/497/1/012079.

Информация об авторах

Никитин Егор Николаевич — старший лаборант-исследователь, Центр мировой политики и стратегического анализа, Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, 117997, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр-кт, 32, nikitin@iccaras.ru, https://orcid.org/0009-0005-0374-1335; SPIN-код: 3688-1132.

Куликов Андрей Михайлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры международного бизнеса, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 125167, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский пр-кт, 49/2, hanyudao@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9317-7432, SPIN-код: 9606-5206.

作者信息

Egor N. Nikitin — 高级实验室研究员，世界政治与战略分析中心， 俄罗斯科学院中国与现代亚洲研究所, 莫斯科，俄罗斯联邦, nikitin@iccaras.ru, https://orcid.org/0009-0005-0374-1335, SPIN-Code: 3688-1132.

Andrey M. Kulikov — 历史学副博士, 副教授, 国际商务教研室， 俄罗斯联邦政府财政金融大学, 莫斯科，俄罗斯联邦, hanyudao@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9317-7432, SPIN-Code: 9606-5206.

Authors

Egor N. Nikitin — Senior Research Assistant, Centre for World Policy and Strategic Analysis, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, 32 Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation, nikitin@iccaras.ru, https://orcid.org/0009-0005-0374-1335, SPIN-Code: 3688-1132.

Andrey M. Kulikov — PhD in History, Associate Professor, Department of International Business, Financial University under the Government of the Russian Federation, 49/2 Leningradsky Ave., Moscow, 125167, Russian Federation, hanyudao@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9317-7432, SPIN-Code: 9606-5206.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

作者的贡献

所有作者对该出版物的准备作出了等量贡献。所有作者声明无利益冲突。

Contribution of the Authors

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Для цитирования

Никитин Е.Н. О результатах программы «Сделано в Китае 2025» / Е.Н. Никитин, А.М. Куликов. — DOI 10.17150/2587-7445.2026.10(2).141-152. — EDN LUYYXC // Российско-китайские исследования. — 2026. — Т. 10, № 2. — С. 141–152.

For Citation

Nikitin E.N., Kulikov A.M. On the Outcomes of the “Made in China 2025” Initiative. *Rossiisko-Kitaiskie Issledovaniya = Russian and Chinese Studies*, 2026, vol. 10, no. 2, pp. 141–152. (In Russian). EDN: LUYYXC. DOI: 10.17150/2587-7445.2026.10(2).141-152.